

Л. Т. Шинло. Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте дунган. Фрунзе: Илим, 1982. 134 с. с илл.

Рецензируемая книга посвящена коренным социалистическим преобразованиям в экономике, культуре и быте дунган — одного из народов Киргизской и Казахской ССР. Ее автор Л. Т. Шинло — дунганка, неутомимая и одаренная исследовательница культуры своего народа, опубликовавшая ряд работ по этнографии дунган, в том числе монографию¹.

Хотя истории и культуре дунган Киргизии и Казахстана уже посвящены работы советских² и зарубежных³ ученых, книга Л. Т. Шинло, несомненно, займет среди них заметное и достойное место. Рецензируемая монография основана в первую очередь на многолетних полевых материалах автора, привлечены также малоизвестные данные из дореволюционной и советской периодики. Вызывает сожаление, что при написании работы автор не полностью использовал работы, вышедшие из печати за последние годы. Так, не упоминается книга «Дунганские народные сказки и предания»⁴, созданная в результате плодотворного сотрудничества фрунзенских и московских ученых⁵.

Содержание работы Л. Т. Шинло несколько шире, чем можно предположить из ее названия. На страницах работы отражены вопросы этногенеза дунган и их история в первые десятилетия после переселения в пределы России. Анализируемый автором историко-этнографический материал о советских дунганах свидетельствует, что значительные былые различия между общинно-земляческими группами дунган постепенно исчезают, общесоветские черты и традиции нарастают, происходит интернационализация их материальной и духовной культуры. Это, пожалуй, основная мысль книги, подтверждаемая материалами, исследуемыми Л. Т. Шинло.

В первой главе рассматриваются хозяйственные занятия дунган в прошлом и настоящем, их борьба за осуществление Ленинского кооперативного плана, колхозное строительство в послевоенные годы и сегодня.

Во второй главе столь же обстоятельно исследуются такие аспекты материальной и духовной культуры дунганского народа, как селения, жилище, пища и народное изобразительное искусство.

Прогрессивные изменения в планировке и внешнем облике селений, их общественных и хозяйственных центров, усадеб и жилых домов автор иллюстрирует на примерах архитектурно-планировочных структур дунганских селений Александровка, Ирдык, Джалпак-Тюбе, Каракуруз и др. В заслугу автору следует поставить выделение четырех типов жилищ: 1) чисто традиционные каркасные постройки конца XIX — начала XX в.; 2) постройки, часть деталей которых заимствована у русских переселенцев; 3) жилище улучшенного типа 1930-х годов; 4) дома, построенные после Великой Отечественной войны. Как в планировке усадеб, так и в применении новых строительных материалов и технике строительства у дунган заметно влияние городской культуры, а также коренного местного населения. В интерьере и внутреннем убранстве ощущается влияние русских и киргизских традиций, а на юге республики — также узбеков.

Достаточно подробно рассматривает автор дунганскую одежду. Полностью исчез мужской национальный костюм, о котором помнят лишь пожилые дунгане.

Исследуя одежду дунганок пожилого возраста, Л. Т. Шинло выделила три ее группы (точнее локальных комплексы): первая — традиционная одежда, в значительной мере сохранившаяся в селениях Хунчи (Кантский р-н Киргизской ССР) и Шортюбе (Курдайский р-н Казахской ССР); вторая — комбинированная одежда (включавшая как традиционные, так и новые элементы) с. Александровка (Московский р-н Киргизской ССР); третья — одежда пожилых дунганок на юге Киргизии, воспринятая у узбеков.

Несколько страниц второй главы посвящены традициям и инновациям в пище дунган.

Большой интерес представляет детальное рассмотрение на страницах рецензируемого труда народного изобразительного искусства дунган — вышивки, украшающей предметы одежды, домашнего обихода и убранства, аппликации, резьбы по дереву и ювелирного дела. Повышение культурного уровня и изменение эстетических вкусов

¹ Шинло Л. Т. Культура и быт советских дунган. Фрунзе: Илим, 1965. 90 с.

² См. например: Шахматов В., Юсупов Х. Дунганские сказки. Алма-Ата, 1952; Юсупов Х. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фрунзе, 1961; Стратанович Г. Г. Дунгане. — В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана/Под ред. Толстова С. П. и др. Т. 2. М.: Наука, 1963, с. 527—563; Очерки истории советских дунган. Фрунзе, 1967; Сушанло М. Дунгане. Фрунзе: Илим, 1971; Крюков М. В., Решетов А. М. Поездка к дунганам. — В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М.: Наука, 1971, с. 173—177 и др.

³ Rimsky-Korsakoff-Dyer S. Soviet Dungan Kolkhozes in the Kirghiz SSR and Kazakh SSR. Oriental Monograph Series № 25. Faculty of Asian Studies in association with Australian National University Press, Canberra, 1979; etc.

⁴ Дунганские народные сказки и предания/Пер. с дунган. Сост. Хасанова М. и Юсупова И. Отв. ред. Рифтин Б. Л. Запись текстов Б. Рифтина и И. Юсупова. Предисл. и примеч. Рифтина Б. и Хасанова М. Анализ сюжетов дунганских сказок Рифтина Б. М.: Наука, 1977. 572 с.

⁵ Подробнее см. рец. А. М. Решетова на эту книгу (Народы Азии и Африки, 1980, № 6, с. 202—206).

дунган отразились и на традиционном дунганском орнаменте, который распространился на новые области: текстильное и фарфоровое производство, ювелирное дело.

Третья глава работы Л. Т. Шинло посвящена семейному быту дунган, современной социалистической семье, свадебной обрядности и традиции, воспитанию детей⁶.

Три последние главы рецензируемой работы, являясь наименьшими по объему, тем не менее успешно показывают огромные достижения дунганского народа в области образования, здравоохранения и общественной жизни, множеством нитей связывающие дунган со всей динамичной советской действительностью.

Книга Л. Т. Шинло не лишена некоторых недостатков. Недостаточно освещены социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте дунган в послевоенный период. Следует отметить, что автор доводит свое исследование только до начала 1970-х годов; работы советских ученых последнего десятилетия, в которых освещается современный этап этнокультурного развития дунган, не рассматриваются⁷.

Затрудняет работу с книгой отсутствие глоссария и библиографии.

В целом же рецензируемый труд, снабженный обширным и оригинальным иллюстративным материалом, вносит заметный вклад в советское дунгановедение.

В. Я. Галицкий, А. А. Свиридов

⁶ Эти вопросы недавно стали предметом специального исследования. См.: Сушан-ло М. Семья и семейный быт дунган. Фрунзе: Илим, 1979.

⁷ См. например: Решетов А. М. О соотношении традиционной и современной культуры дунган.— В кн.: Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых исследований Института этнографии в 1972 г. Ч. 1. М.: Наука, 1974, с. 116—120; *его же*. Этноконсолидационные процессы в Советской Средней Азии и Казахстане.— В кн.: Этнографические аспекты изучения современности. Л.: Наука, 1980, с. 74—84; Решетов А. М., Седловская А. Н. Влияние межэтнических контактов на антропологию дунган.— В кн.: Ономастика Средней Азии. М.: Наука, 1978, с. 162—164.

Русские народные сказки Пудожского края/Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск: Карелия, 1982, 363 с.

Сказка Пудожского края, одного из богатейших русских фольклорных районов Карелии, оставалась до последнего времени неизданной и почти неизвестной. После открытий Н. П. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга в 60—70-х годах прошлого века за Пудожьем, как и соседним Заонежьем, прочно утвердился слава одного из основных очагов былинного творчества. Собрание былевой поэзии определило работу ряда последующих экспедиций; на ней сосредоточилось основное внимание ученых.

Пудожская сказка долго не собиралась. Известно всего пять дореволюционных записей ее, сделанных разными собирателями и включенных в сборник «Русские сказки в Карелии»¹. Систематическое собирание и изучение пудожской сказки началось только в 30-е годы нашего века. Наиболее интенсивно запись ее велась в 1960—1970-е годы прежде всего сотрудниками сектора фольклора и этнографии Института языка, литературы и истории (в дальнейшем — ИЯЛИ) Карельского филиала АН СССР, а также кафедрой фольклора МГУ, студенческими экспедициями Карельского педагогического института и Петрозаводского университета. Однако публикации сказок были единичными. Самая представительная из них — 16 текстов (записи 1930—1940-х годов), вошедших в сборник «Перстенок — двенадцать ставешков»². В 1950-е годы над сборником сказок Пудожского района работала сотрудница ИЯЛИ А. В. Белованова, но работа эта не была завершена. Основная масса текстов по-прежнему оставалась достоянием архивов, главным образом одного из богатейших фольклорных хранилищ страны — Архива Карельского филиала АН СССР.

И вот теперь открытие пудожской сказки состоялось. Создатели рецензируемого сборника — научные сотрудники ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР А. П. Разумова и Т. И. Сенькина. Научное редактирование его осуществлено ныне уже ушедшей из жизни Э. В. Померанцевой.

Имя А. П. Разумовой хорошо известно нашей фольклористике. В последнее десятилетие вышла в свет подготовленная ею (в соавторстве с Т. А. Коски, А. А. Митрофановой и Т. И. Сенькиной) своеобразная фольклорная трилогия по Карельскому Поморью, широко и разнопланово представившая устно-поэтическую традицию этого региона, — «Русские народные песни Карельского Поморья» (1971 г.), «Русские народные сказки Карельского Поморья» (1974 г.), «Русская свадьба Карельского Поморья» (1980 г.). Все три издания были одобрены специалистами, но особенно высокой оценки удостоен сборник поморских сказок, отвечающий, по словам Э. В. Померанцевой, «высоким требованиям современной науки к публикациям подлинного фольклора» и представляющий собой «комплексное фольклористическое исследование»³.

¹ Русские сказки в Карелии (Старые записи)/Подгот. текстов, статья и коммент. Азадовского М. К. Петрозаводск: Госиздат КФ ССР, 1947.

² Перстенок — двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карелии/Сост., вступ. статья и коммент. Чистова К. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1958.

³ См. рец.: Померанцева Э. В. Русские народные сказки Карельского Поморья.— Сов. этнография, 1976, № 6, с. 155.